

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ
РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

Ответственный редактор
А. Н. КОНОНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя и раннесредневековая история Средней и Центральной Азии до сих пор остается одним из наименее изученных разделов всемирной истории. Между тем археологические открытия и историко-филологические исследования последних десятилетий дают право утверждать, что роль народов, населяющих глубинные области азиатского материка, в процессе исторического и культурного развития Евразии была большей, чем это представлялось ранее.

Трудность изучения истории Средней и Центральной Азии определяется прежде всего слабостью источниковедческой базы — число источников сравнительно невелико; круг событий, которые они отражают, чрезвычайно узок; большая часть дошедших до нас источников создана за пределами Средней и Центральной Азии, а время их написания не всегда близко ко времени описываемых событий. Поэтому трудно переоценить значение тех хотя бы и немногочисленных письменных памятников, которые обладают двумя существенными и неоспоримыми для историка достоинствами — автохтонностью и аутентичностью. К числу таких памятников относятся древнетюркские рунические надписи.

Настоящая работа содержит анализ и систематизацию относящихся к Средней Азии материалов, извлеченных из древнетюркских рунических текстов, сопоставление их с материалами других источников и обобщение достигнутых результатов в историографическом и в источниковедческом аспектах¹.

¹ Предварительные результаты исследований опубликованы в 1951—1962 гг. в статьях: С. Г. Кляшторный, *Канжойская этно-топонимика*, стр. 56—73; *Яксарт — Сыр-Дарья*, стр. 189—190; *Из истории борьбы*, стр. 55—64; *Согдийцы в Семиречье*, стр. 7—11; *Историко-культурное значение Суджинской надписи*, — ПВ, 1959, № 5, стр. 162—169; *Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы*, — ТИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 103, 1959, стр. 167—168; *О подлинности древнетюркской надписи*, стр. 173—175; *Титул согдийского владетеля*, стр. 133—135; *Согдийцы в Центральной Азии*, стр. 29—31; *Уланкомская надпись*, стр. 26—28; Kljaštornyj, *A propos des mots*, pp. 245—251; *Sur les colonies sogdiennes*, pp. 95—97; *Chinesischen Nachrichten*, S. 155—156.

* * *

Текст древнетюркских надписей цитируется преимущественно по изданиям С. Е. Малова².

В работе приняты за основу переводы надписей, опубликованные в названных изданиях. Автор стремился цитировать эти переводы буквально. Однако в ряде случаев они подверглись изменениям и уточнениям терминологического и стилистического характера, которые не отмечены специально, если они не имеют определяющего значения для дальнейшего исследования.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность всем, кто прочитал в рукописи работу и оказал автору помощь консультациями и замечаниями.

² С. Е. Малов, *Памятники: Памятники Монголии и Киргизии*.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVII — начале XVIII в. в научной литературе появились первые сообщения о рунообразных надписях, которые были замечены исследователями Сибири на енисейских скалах¹. Один из первооткрывателей загадочных знаков, пленный шведский офицер Ф. И. Страленберг (Табберт), живший в Сибири в 1713—1722 гг.², назвал их «руническими», и, хотя это название не было точным, в последующее время оно прочно вошло в научную терминологию. Около двухсот лет попытки прочесть надписи оставались безуспешными. В 1889 г. Н. М. Ядринцев, сибирский краевед, археолог и этнограф, обнаружил в верховьях р. Орхон (Северная Монголия) три каменные стелы — одну, сохранившуюся лишь во фрагментах, с китайским, руническим и, как было установлено впоследствии, согдийским текстами (Карабалгасунский памятник), и две, лучшей сохранности, с руническим и китайским текстами (Кошо-цайдамские

¹ Первое упоминание о «камне орхон» (стела с рунической надписью?) принадлежит автору атласа Сибири, тобольчанину Семену Ремезову и относится к 1696—1697 гг. Об истории открытия и изучения древнетюркских памятников подробнее см.: Бернштам, *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок*, стр. 11—29; менее полные сводки см.: Малов, *Памятники*, стр. 11—16 (с обширной библиографией); Räsänen, *Ein Ueberblick über die ältesten Denkmäler*, S. 1—21; Веселовский, *Орхонские открытия*, стр. 59—72. Указатели литературы о памятниках см.: Самойлович, *Материалы для указателя*, стр. 55—80; Gabain, *Altürkische Grammatik*, S. 225—246; Loewenthal, *The Turkic languages and literatures*, pp. 26—43; Бартольд, *История изучения Востока*, стр. 270—271; Bazin, *Turcologie: bilan provisoire*, pp. 105—106.

² О Ф. Страленберге (1676—1747) см.: Катанов, *Швед Филипп-Иоганн Страленберг*, стр. 170—174. Ф. Страленберг известен также в истории тюркологии открытием и изданием сочинения Абу-л-Гази, *Родословная тюрок* (Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази*, стр. 23), а данная им характеристика сибирских языков позволяет причислить его к числу основоположников «алтайской» теории (Dopner, *Die ural-altäischen Sprachen*, S. 129). О первооткрывателях енисейской руники — С. У. Ремезове, Ф. И. Страленберге, Д. Г. Мессершмидте, Г. И. Спасском см.: Кононов, *К истории русской тюркологии*, стр. 207—209; Андреев, *Труды Семена Ремезова*, стр. 85—126; Шидловский, *Григорий Иванович Спасский*, стр. 1238—1241; ср.: Гульбин, *К статье «Г. И. Спасский»*, стр. 447—448; Новлянская, *Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири*, стр. 231—239.

памятники)³. Предпринятые в 1890—1891 гг. финская и русская археологические экспедиции к местам находки памятников изготовили эстампажи и фотографии текстов, опубликованные в специальных атласах⁴. В 90-х годах XIX в. Академия наук и Географическое общество по инициативе В. В. Радлова организовали ряд экспедиций в Северную Монголию, где были найдены новые рунические памятники, а районы находок детально обследованы в археологическом отношении.

В 1891 г. Н. М. Ядринцевым была открыта Онгинская надпись, в 1897 г. Е. Н. Клеменц нашла на берегу р. Толы новый большой памятник, названный по имени его автора памятником Тоньюкука. Несколько позднее, чем в Монголии, были открыты рунические надписи в Семиречье⁵.

Китайский текст Кошо-цайдамских памятников позволил установить, что эти стелы, датируемые VIII в. н. э., были воздвигнуты в честь тюркского кагана Могиляна (китайская транскрипция имени или титула; в тюркском тексте — Бильге-каган) и его брата Кюэ-дэлэ (в тюркском тексте — Кюль-тегин) и что, следовательно, рунические тексты памятников были написаны на одном из тюркских языков⁶. 15 декабря 1893 г. на заседании Датской королевской академии В. Томсен доложил о результатах дешифровки рунического письма, а 19 января 1894 г. академик В. В. Радлов завершил первый перевод тюркского текста памятника в честь Кюль-тегина⁷. С этого времени изучение древнетюркских языков выделилось в особую отрасль тюркологии, центром которой в те годы стал Петербург.

В 1892—1903 гг. в Петербурге было предпринято издание фундаментальных трудов, обобщивших результаты исследования орхон-енисейской письменности⁸. В работе петербургского

центра изучения древнетюркской эпиграфики наряду с русскими востоковедами (В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, Н. И. Веселовским, В. В. Бартольдом, В. Р. Розеном, К. Г. Залямано, В. П. Васильевым, Ф. Е. Коршем и др.) приняли участие китайские ученые, установившие и прокомментировавшие иероглифический текст орхонских памятников⁹, известный французский синолог Э. Шаванн¹⁰ и немецкий синолог Ф. Хирт¹¹.

Другим центром изучения рунической письменности был в конце XIX — начале XX в. Гельсингфорс (Хельсинки), где «Финно-угорское общество» издало материалы финских археологических экспедиций в Сибирь и Центральную Азию¹². В изданиях «Финно-угорского общества» опубликованы и важнейшие тюркологические труды В. Томсена¹³. Интенсивную работу над филологической интерпретацией памятников вели в конце XIX — начале XX в. немецкий тюрколог В. Банг и венгерский тюрколог Г. Вамбери¹⁴.

Первые результаты сопоставления исторических сведений, содержащихся в надписях, с материалами китайских династийных хроник были сообщены в 1894—1896 гг. В. В. Радловым, В. Томсеном и Э. Паркером¹⁵. Общую оценку проделанной ими в этом направлении работы дал В. В. Бартольд: «Было необходимо выяснить, насколько надписями подтверждается и дополняется хронологическая канва, установленная переводчиками китайских летописей, и насколько надписи дают нам новые факты или новое освещение фактов, по сравнению с тем, что могли дать китайцы. По вопросу о хронологической канве Томсен пришел к заключению, что среди рассказанных событий, кроме смерти Кюль-тегина и, может быть, его отца, нет ни одного, которое бы можно было с полной уверенностью отождествить с каким-нибудь определенным событием, отнесенным в китайских летописях к определенной дате. Известно, что вышедшая скоро после этого работа Маркварта дала целый ряд таких отождеств-

³ Ядринцев, *Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г.*, стр. 51—113. О научной и общественной деятельности Н. М. Ядринцева см.: Лемке, *Ядринцев. Биографический очерк*; Розен, *Синт сицие*, стр. 323—325. В дальнейших полевых исследованиях видная роль принадлежит Д. А. и Е. Н. Клеменцам (Попов, Д. А. *Клеменц, Его жизнь и деятельность*, стр. 7—63).

⁴ [Heikel], *Inscriptions de l'Orkhon*; Радлов, *Атлас древностей Монголии*.

⁵ Массон, *К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии*, стр. 5—15.

⁶ О китайском тексте памятников см.: Васильев, *Китайские надписи на орхонских памятниках*, стр. 1—36; Попов, *Замечания по поводу нового перевода*, стр. 1—4; Gabelentz, *L'inscription chinoise du 1-er monument*, pp. XXV—XXVI; Devéria, *Transcription, analyse et traduction*, pp. XXVII—XXXVIII; Schlegel, *La stèle funéraire du Tegin Gogh*, pp. 1—57; Hirth, *Ueber den Verfasser und Abschreiber*, S. 151—157; Parker, *L'inscription chinoise du monument I*, pp. 212—216; Arendt, *Studien zur chinesischen Inschriften*, S. 171—196; Pelliot, *Neuf notes*, pp. 229—247.

⁷ Thomsen, *Déchiffrement*, pp. 285—299; АТИМ, 1.

⁸ Радлов, *Атлас древностей Монголии*, вып. 1—4, 118 табл.; «Сборники трудов Орхонской экспедиции», вып. I—VI; Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. 1—3; АТИМ, N.F.; АТИМ, ZwF.

⁹ «Замечания китайского Цзун-ли ямыня», стр. 1—2, 8—10, 15—18, 27—35.

¹⁰ Chavannes, *Documents*, pp. 1—378; Chavannes, *Notes additionnelles*, pp. 1—110. О Шаванне см.: Бартольд и Ольденбург, *Э. Шаванн. Некролог*, стр. 1767—1782.

¹¹ Hirth, *Nachworte*, S. 1—140. О Хирте см.: Бартольд, *Ф. Хирт. Некролог*, стр. 11—20.

¹² Кроме уже приведенных работ см.: [Aspelin et Donner], *Inscriptions de l'Énisei*. Donner, *Wörterverzeichnis*; Ramstedt, *Zwei uigurische Runenschriften*, S. 3—63; Heikel, *Altertümer aus dem Tale des Talas*.

¹³ Thomsen, *Inscription de l'Orkhon*, pp. 1—224; *Turcica*, pp. 1—107; *Une lettre méconnue*, pp. 1—9.

¹⁴ О многочисленных работах В. Банга в этой области см.: Gabain, *Willi Bang-Kaup*, S. 1—12; Vambéry, *Noten zu den alttürkischen Inschriften*, S. 1—120. Ср. рецензию Мелиоранского (ЗВО, т. XII, 1899, стр. 0146—0162).

¹⁵ Кроме указанных работ см.: Parker, *Thousand years of the Tartars*.

лений, причем результатом исторического исследования было установление нового лингвистического факта — своеобразной системы счисления некоторых турецких народностей того времени»¹⁶.

Начало историографической интерпретации надписей было положено опубликованными в 1897—1903 гг. трудами В. В. Бартольда¹⁷, И. Маркварта¹⁸, П. М. Мелиоранского¹⁹, Ф. Хирта²⁰ и Э. Шаванна²¹, в которых начата разработка методики исследования рунической эпиграфики и дана оценка памятников как источника для истории Центральной и Средней Азии.

Можно отметить следующие важнейшие результаты, достигнутые в эти годы: а) была установлена система счисления и хронология памятников Кюль-тегина и Могиляна (В. Банг, И. Маркварт), что дало возможность идентифицировать сообщения надписей с сообщениями китайских и отчасти арабских источников (И. Маркварт, В. В. Бартольд); хронология памятника Тоньюкука и Онгинской надписи оставалась неясной, а датировка енисейских памятников не была произведена даже приближенно, хотя особенности палеографии и свидетельствовали как будто о большей архаичности сибирской руники; б) по некоторым важным проблемам, затронутым в надписях, были сравнительно подробно изучены материалы китайских источников, что позволило шире представить исторический фон и взаимные связи событий, упомянутых в надписях (Ф. Хирт, Э. Шаванн); в) были определены в общих чертах основные аспекты историографического изучения памятников: историко-политический, этнологический, культурно-исторический и социальный (последний — только в работах В. В. Бартольда); г) была сделана первая попытка сопоставления сообщений памятников, материалов арабских, персидских, китайских, византийских и армянских источников для построения общей истории тюркских каганатов VI—VII вв.²²

¹⁶ Бартольд, *Томсен и история Средней Азии*, стр. 11—12.

¹⁷ Barthold, *Historische Bedeutung*, S. 1—36; *Quellen*, S. 1—29; Бартольд, *Новые исследования*, стр. 231—250; *Система счисления орхонских надписей*, стр. 0171—0173.

¹⁸ Marquart, *Historische Glossen*, S. 157—200; *Chronologie*. Об И. Маркварте см.: Бартольд, *Памяти И. Маркварта*, стр. 387—402.

¹⁹ Мелиоранский, *Об орхонских и енисейских надгробных памятниках*, стр. 263—292; *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 1—144. Эта последняя работа — блестящий образец глубокого историко-филологического исследования одного из крупнейших рунических памятников, не потерявшая своего значения до настоящего времени. О жизни и трудах П. М. Мелиоранского см.: Самойлович, *Памяти П. М. Мелиоранского*, стр. 01—024.

²⁰ См. стр. 7, сл. 11.

²¹ См. стр. 7, сл. 10.

²² Chavannes, *Documents*, pt. IV. Этот раздел работы Э. Шаванна получил, однако, суровую оценку в рецензии В. В. Бартольда (ЗВО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185).

В середине первого десятилетия XX в. интерес к руническим памятникам несколько снизился. А. Н. Самойлович следующим образом характеризует новый период: «П. М. Мелиоранский, самый молодой из трех главных участников разработки памятников турецкой рунообразной письменности, наиболее близкий к В. Томсену по научной точности своих исследовательских приемов, был рано похищен у науки смертью... В. В. Радлов, с началом появления из песков Китайского Туркестана обильных памятников уйгурской письменности, отошел от надписей Монголии и Сибири, которые он все (не считая позднее открытых Рамstedтом и Котвичем) проработал в предварительном виде, снабдив глоссариями и грамматическим очерком. В. Банг, давший несколько статей по памятникам енисейско-орхонской письменности и открывший особую систему сочетания единиц и десятков в числительных этих надписей, не задержался на этих памятниках, а занялся детальным изучением Codex Sinaiticus'a и увлекся подготовительными исследованиями по исторической грамматике турецких языков. Вамбери ограничился не имеющими большого значения заметками по языку турецких рун. Рамstedт, более монголист, чем турколог, только на время вошел в число исследователей турецких памятников Монголии, чтобы выпустить в свет издание и перевод открытых им самим надписей»²³.

Особое место в дальнейшем изучении древнетюркской руники принадлежало В. Томсену, в центре научных интересов которого с 1893 по 1927 г. оставались древнетюркские рунические памятники.

Отход большинства исследователей от дальнейшего изучения орхоно-енисейских памятников обусловили две главные причины: во-первых, появление большого числа новых материалов из Восточного Туркестана, изучение которых привело к открытиям сенсационного характера, и, во-вторых, завершение первоначальной обработки орхоно-енисейских текстов. Для получения новых данных требовалась длительная кропотливая работа, не сулящая, как казалось, значительных результатов. Ошибочность этого представления стала очевидной после публикации В. Томсеном новых работ — «Turcica» (1916 г.) и «Древнетюркские надписи из Монголии» (1922 г.), которые завершили его более чем 30-летний труд над древнетюркскими руническими памятниками.

Вместе с тем были открыты новые памятники, издание и перевод которых осуществили В. Томсен («руны на бумаге» из Восточного Туркестана)²⁴, Г. И. Рамstedт (Суджинская и Се-

²³ Самойлович, *Вильгельм Томсен и туркология*, стр. 24—25.

²⁴ Thomsen, *Blatt*, S. 296—306; *Dr. M. A. Stein's MSS*, pp. 181—227; *Fragment*, pp. 1082—1083.

ленгинская надпись)²⁵, В. Л. Котвич и А. Н. Самойлович (надпись в честь Кули-чура)²⁶, С. Е. Малов и Ю. Немет (надписи из Семиречья и печенежские руны Венгрии)²⁷, Г. Ксенофонт, К. Доннер и М. Рясанен (мелкие надписи из Восточной Сибири)²⁸.

Историографическое изучение надписей проводилось в этот период В. Томсенем, по-новому решившим вопрос о датировке некоторых событий, упомянутых в надписи Тоньюкука; П. Пельо, продолжившим работу по привлечению к интерпретации памятников китайских литературных свидетельств²⁹; Г. Е. Грумм-Гржимайло, привлечшим надписи для решения некоторых историко-географических и этнографических проблем³⁰; В. В. Бартольд, широко использовавшим материалы памятников для культурно-исторических исследований.

Вклад В. В. Бартольда особенно велик; его последней крупной работой были широко известные «Двенадцать лекций по истории тюрков Средней Азии», прочитанные в Стамбульском университете летом 1926 г. В «Лекциях» В. В. Бартольд подвел итоги своих многолетних исследований в области истории тюркоязычных народов³¹. В эти годы В. В. Бартольд окончательно сформулировал отношение к надписям как историческому источнику, отразив в своей оценке состояние историографии Средней Азии и степень филологической изученности древнетюркских рунических текстов: «Помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка, как рассказ турок VIII в. о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников. Необходимо, однако, помнить, что хотя со времени открытия датским лингвистом Томсенем ключа к чтению надписей прошло уже более 30 лет, дело разбора далеко не закончено, и толкование многих мест остается спорным. Попытки без знания языка, на основании существующих переводов, поль-

зоваться надписями как историческим источником могут привести и часто приводили к совершенно ошибочным историческим выводам»³².

Новый этап изучения орхоно-енисейской письменности, начавшийся в 1930—1940 гг., связан с серьезными изменениями в состоянии тюркской филологии и историографии Центральной и Средней Азии. Благодаря вовлечению в круг исследуемых памятников древнеуйгурских текстов, словаря Махмуда Кашгарского и некоторых других материалов область изучения древнетюркских языков значительно расширилась. Были предприняты попытки построения исторической классификации и исторической грамматики тюркских языков, усилился интерес к поискам родственных связей этих языков с другими языками, близкими к ним в материальном и типологическом отношении³³. В этих условиях резко возросла роль древнейших тюркских памятников для дальнейшего развития тюркского языкознания. В то же время новые материалы позволили отчасти пересмотреть как переводы памятников, так и те толкования филологического и исторического порядка, которые были сделаны в конце XIX — начале XX в.

Первая попытка в этом направлении, предпринятая Х. Н. Оркуном, не была признана вполне удовлетворительной, однако опыт составления корпуса рунических надписей сам по себе заслуживает внимания³⁴. Впервые после известных работ В. В. Радлова появились достаточно подробные описания языка древнетюркских памятников³⁵. Переводы и исследования отдельных памятников были опубликованы А. Н. Бернштамом³⁶, Э. Р. Рыгдылоном³⁷, Ю. Л. Аранчыном³⁸, А. М. Щербаком³⁹,

³² Бартольд, *Современное состояние*, стр. 4.

³³ Баскаков, *Тюркские языки*, стр. 6—20.

³⁴ Orkun, *Eski türk yazıtları*, с. I—IV; ср. рец. Малова (ЯМ, вып. IX, 1940, стр. 186; ВДИ, 1948, № 2, стр. 123—124).

³⁵ Gabain, *Alttürkische Grammatik; Ueber Ortbezeichnungen im Alttürkischen*, S. 1—14; *Alttürkischen*, S. 21—45; Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*; Батманов, *Язык енисейских памятников*; Батманов, Арагачи, Бабушкин, *Современная и древняя енисеика*; Ислямов, *Употребление падежей в языке древнетюркских памятников*, стр. 240—297; Ислямов, *Строй предложения в языке древнетюркских памятников*, стр. 226—246; Кондратьев, *Материалы к характеристике деепричастий в языке памятников*, стр. 126—136; Туна, *Köktürk yazılı belgelerinde uzun vokaller*, s. 213—282.

³⁶ Бернштам, *Руническая надпись*, стр. 303—305; *Новые эпиграфические находки*, стр. 107—113; *Древнетюркское письмо на р. Лене*, стр. 76—86; *Древнетюркский документ из Согда*, стр. 65—75; ср. рец. Малова (ИАН СССР, ОЛЯ, т. XIII, 1954, № 2, стр. 197—198); *Древнетюркские рунические надписи*, стр. 54—58.

³⁷ Рыгдылон, *Новые рунические надписи*, стр. 87—93; *О знаках на плитах с руническими надписями*, стр. 64—72; Рыгдылон и Хороших, *Новые рунические надписи Прибайкалья*, стр. 202—213. По поводу публикаций Бернштама и Рыгдылона см. Räsänen, *Beiträge*, S. 3—7.

³⁸ Аранчын, *Сайгынская плита*, стр. 76—77.

³⁹ Щербак, *Несколько слов о приемах чтения рунических надписей*,

²⁵ Кроме цитированной работы см.: Рамстедт, *Перевод надписи Селенгинского камня*, стр. 40—49.

²⁶ Kotwicz et Samoilovitch, *Le monument turc*, pp. 60—107.

²⁷ Малов, *Древнетурецкие надгробия*, стр. 799—806; Малов, *Новые памятники*, стр. 251—279; Малов, *Таласские эпиграфические памятники*, стр. 17—38; Németh, *Köktürkischen Grabinschriften*, S. 134—142; Németh, *Inschriften des Schatzes*. Ср. рец. Малова («Библиография Востока», вып. 10, 1937, стр. 168—169).

²⁸ Donner und Räsänen, *Zwei neue türkische Runeninschriften*, S. 1—7; Ксенофонт, *Расшифровка*, стр. 120—173.

²⁹ Кроме цитированной работы см.: Pelliot, *Fille de Mo-tch'o qaghan*, pp. 3—8; *Origine de T'ou-kiue*, pp. 688—689; *L'édition collective*, pp. 113—182; *Les systèmes d'écriture*, pp. 284—289.

³⁰ Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия*, т. II.

³¹ Турецкое издание этой работы (Стамбул, 1927) неудовлетворительно. Мы использовали немецкое издание, в подготовке которого принимал участие вплоть до своей кончины сам В. В. Бартольд (Barthold, *12 Vorlesungen; Histoire des Turcs*).

Э. Р. Тенишевым⁴⁰, И. А. Батмановым⁴¹, Фэн Цзя-шэном⁴², Дж. Клосоном⁴³, П. Аалто⁴⁴, А. Габэн⁴⁵, Б. Огелем⁴⁶, М. Шпренг-лингом⁴⁷, К. Брокельманом⁴⁸, Р. Жиро⁴⁹; вопросы пунктуации рунических текстов рассмотрены Х. Газиевым⁵⁰. Особое значение для изучения древнетюркской письменности имеют обобщающие труды С. Е. Малова, опубликованные в 1951—1959 гг.⁵¹

Публикация новых памятников и всестороннее исследование ранее изданных текстов продолжают. Однако уже к настоящему времени создана достаточно надежная база для детального историко-филологического изучения древнетюркской рунической письменности.

Дальнейшее развитие получило в 30—50-х годах XX в. историографическое исследование рунических памятников. В центре внимания советских ученых, прочно занявших ведущее положение в изучении истории Центральной и Средней Азии, была в эти годы проблема социально-экономической характеристики древнетюркского общества⁵². Несколько слабее затронуты другие аспекты историографической интерпретации руники⁵³. Не-

стр. 269—282; *Знаки на керамике*, стр. 362—414; *Новая руническая надпись на камне*, стр. 238—240.

⁴⁰ Тенишев, *Руническая надпись*, стр. 62—66.

⁴¹ «Новые эпиграфические находки в Киргизии», стр. 15—21.

⁴² Фэн Цзя-шэн, *Руническая надпись из Восточной Монголии*, стр. 3—6;

стр.: Вяткина, *Кэнтэйская руническая надпись*, стр. 217—218.

⁴³ Clauson, *The Ongin inscription*, pp. 177—192; *Notes on the «Irk Bitig»*, pp. 218—225; *Turkish and Mongolian studies*.

⁴⁴ Aalto, *Materialien*, S. 3—91; G. I. Ramstedt und die *Inscription von Tonjukuk*, S. 19—24; *Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften*, S. 127—133.

⁴⁵ Gabain, *Altürkische Datierungsformen*, S. 191—203.

⁴⁶ Ögel, *Şinc Usu yazıtının önemi*, s. 361—378.

⁴⁷ Sprengling, *Tonyukuk's epitaph*, pp. 1—19, 365—383.

⁴⁸ Brockelmann, *Zu den altürkischen Inschriften*, S. 137—142.

⁴⁹ Giraud, *L'inscription de Bain Tsokto*.

⁵⁰ Гознев, *Турк-руник ёзувидаги белгиларига доир*, стр. 49—57.

⁵¹ Малов, *Памятники: Енисейская письменность; Памятники Монголии и Киргизии*.

⁵² Букнипан, *К истории древних тюркских государственных образований*, стр. 57—51; Козьмин, *Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина*, стр. 259—277; Козьмин, *К вопросу о турецко-монгольском феодализме*; Бернштам, *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков*. В этой работе автор суммировал результаты своих многочисленных исследований на ту же тему, опубликованных в 30-х годах (Киселев, *Древняя история Южной Сибири*). Эта монография обобщает результаты работ автора, частично опубликованных в 30—40-х годах (Толстов, *Генезис феодализма; К истории древнетюркской социальной терминологии*, стр. 72—81; Тиранья Аброя, стр. 3—53; *Древний Хорезм; По следам древнехорезмийской цивилизации*; Потапов, *Очерки по истории алтайцев*; Окладников, *Якутия до присоединения к русскому государству*).

⁵³ Ключин, *Новые данные о племени тардушей и толисов*, стр. 91—98; Владимирцов, *Географические имена орхонских надписей*, стр. 169—174; Владимирцов, *Заметки к древнетюркским текстам*, стр. 289—296; Владимирцов, *По поводу древнетюркского Отюкен*, стр. 133—136; Потапов, *Новые данные*, стр. 106—117.

обходимо подчеркнуть принципиальное различие в подходе к памятникам советской и буржуазной исторической науки. Представители последней склонны рассматривать памятники лишь как источник, интересный для истории чередования господствовавших в Центральной Азии этнических группировок⁵⁴ или выражения тюрками «идеала мирового господства», свойственного «воинственному образу жизни и духу тюрков»⁵⁵. Советские же исследователи сумели убедительно показать, что история тюркского и уйгурского каганатов — это прежде всего история перерастания военно-демократического и примитивно-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений; что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим развитием оседло-земледельческих центров Средней Азии и Китая; что и в степи, и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба.

Вместе с тем результаты исследований советских историков и лингвистов показали, что этногенетические процессы, происходившие в рамках тюркских каганатов, оказали весьма существенное влияние на историю формирования современных тюркоязычных народов Средней Азии и Сибири⁵⁶. Тесные связи исторических судеб этих народов, а также ираноязычного и тюркоязычного населения Средней Азии нашли, в частности, свое отражение в событиях, отмеченных руническими текстами.

Настоящая работа является опытом историографической интерпретации рунических памятников Северной Монголии применительно к изучению истории Средней Азии. Орхонские тексты сохранили сообщения, позволяющие по-новому рассмотреть проблемы согдийской колонизации Семиречья и Центральной Азии, обрисовать взаимоотношения Восточнотюркского каганата, Согда, Китая и Арабского халифата в период арабского завоевания Средней Азии, подойти к определению направленности этнополитических связей, во многом повлиявших на историю развития древних и раннесредневековых племенных союзов Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы.

Эти стороны историографической интерпретации памятников связаны со значительным комплексом рассмотренных в работе проблем источниковедческого, хронологического, историко-политического и историко-географического характера, включая в какой-то мере проблемы происхождения и ранней истории племени тюрк, политической истории второго Восточнотюркского ка-

⁵⁴ Czaplicka, *The Turks of Central Asia*; Cordier, *Histoire*, vol. I, pp. 344—436; Ross, *On nomadic movements*, pp. 16—26; Grousset, *L'empire des steppes*, pp. 124—180; Sinor, *The historical role*, pp. 434—437.

⁵⁵ Turan, *Ideal of world domination*, p. 77.

⁵⁶ Якубовский, *К вопросу об этногенезе*; Бернштам, *Основные этапы*, стр. 337—384; Гафуров, *История таджикского народа*, стр. 108—124; Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 437—638.

ганата, направления международных транзитных торговых путей, проходивших через Центральную Азию, и некоторые другие вопросы.

Основным источником работы и одновременно основным объектом исследования являются древнетюркские рунические памятники, охарактеризованные во второй главе. Сведения, содержащиеся в рунических текстах, используются в сопоставлении с материалами китайских источников, переведенных на европейские языки, арабских и персидских географических и исторических сочинений, а также с результатами археологических исследований. Некоторые другие источники, привлекаемые при рассмотрении отдельных вопросов (например, согдийские документы), использованы в той мере, в какой они интерпретированы специалистами. Историографические оценки арабских, китайских и согдийских источников в аспектах рассматриваемой темы могут быть сделаны лишь при сопоставлении их с руническими текстами.

Круг арабских и персидских источников и методы их использования в основном намечены цитированными работами В. В. Бартольда и И. Маркварта; подробные сведения относительно состава и характера этих источников содержатся также в монографиях и очерках И. Ю. Крачковского и В. А. Крачковской, Н. В. Пигулевской, В. И. Беляева, А. А. Ромаскевича, А. П. Ковалевского, Х. А. Р. Гибба и В. Ф. Минорского⁵⁷. В 1936 г. в одном из рукописных собраний Стамбула, в библиотеке дворца Топкапы, был открыт еще один источник — арабский оригинал труда Абу Мухаммада Ахмада ибн А'сама ал-Куфи «Китаб ал-футух», ранее известный главным образом в сокращенном персидском переводе Мухаммада ал-Мустауфи ал-Харави (XII в.)⁵⁸. Анализ некоторых мест рукописи позволил ее исследователю А. Н. Курату установить, что Ибн А'сам

⁵⁷ Крачковский и Крачковская, *Древнейший арабский документ*, стр. 52—90; Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 91—350; Беляев, *Арабские источники*, стр. 12—40; Ромаскевич, *Персидские источники*, стр. 40—61; Пигулевская, *Византия и Иран*, стр. 7—48, 49—52. В другой работе Пигулевской (*Сирийские источники*) содержатся также сведения о греческих и сирийских источниках, которые мы ниже цитируем (Ковалевский, *Книга Ахмед ибн-Фадлана*; Ковалевский, *Абу-л-Хасан'Али ал-Мас'уди*, стр. 167—182; Gibb, *Arab conquests*; Minorsky, *Hudūd al-'Alam*; Minorsky, *Sharaf al-Zamān*).

⁵⁸ Togan, *Ibn Fadlan's Reisebericht*, S. 295—309; Togan, *Völkerschaften des Chazarenreiches*, S. 47—48; Massé, *La chronique d'Ibn A'tham*, pp. 85—90; Kurat, *Abū Muḥammad bin A'sam*, s. 255—282; Kurat, *Kuteybe bin Müslim*, s. 383—430; Dunlop, *The history of the Jewish Khazars*, pp. 58, 77—78, 180. О персидском переводе «Китаб ал-футух» см.: Storey, *Persian literature*, pp. 207—208. Часть арабского оригинала труда Ибн А'сама, охватывающая хронику 11—35 г.х. (632—656 г. н. э.), была известна ранее (Pertsch, *Die arabischen Handschriften*, Bd III, S. 219—220; Brockelmann, *Geschichte*, Bd I, S. 150).

был современником великих историков III в. х. — ат-Табари (839—923), ал-Балазури (ум. в 892 г.) и ал-Йа'куби (ум. в 897 г.) — и написал свой труд в конце IX — начале X в.⁵⁹.

Пока еще немногочисленные публикации, посвященные «Китаб ал-футух», показывают, что труд Ибн А'сама является ценнейшим историческим источником, сохранившим важные сведения, которые отсутствуют у других авторов. Значительная часть труда посвящена истории арабских завоеваний в Средней Азии; А. Н. Курат издал следующие разделы рукописи: «О походе Кутейбы в Хорезм» (лл. 140а—141а); «О походе Кутейбы в Согд после завоевания Хорезма и подчинения его» (лл. 141а—141б); «О письме ал-Хаджжаджа Кутейбе» (л. 141а); «О нападении Кутейбы на Самарканд и о войне его с жителями (этого города)» (лл. 141б—143а); «О мире Кутейбы с Самаркандом и о вступлении его туда с мусульманским войском» (лл. 143а—143б); «О договоре, который был написан Гураку, сыну ихшида» (лл. 143а—143б)⁶⁰. Наибольшее значение имеют три последних раздела, которые содержат сведения, отсутствующие в других источниках, в частности полный арабский текст договора между Кутейбой ибн Муслимом и Гураком⁶¹. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и в историографическом аспекте — неопровержимо доказывается, что ранние арабские историки, сообщения которых использованы в «Китаб ал-футух», опирались при изложении событий не только на устную традицию, но и на письменные документы⁶².

Вряд ли меньшее значение для истории Средней и Центральной Азии в VI—VIII вв. имеет другая группа источников — китайские исторические сочинения. Тексты, относящиеся к истории тюркских племен, уже более двухсот лет являются предметом изучения многих выдающихся сиологов; в работе использованы наиболее полные собрания переводов⁶³.

Интересующие нас сведения содержатся в официальных историях династий Северное Чжоу (556—581 гг.; история —

⁵⁹ Kurat, *Abū Muḥammad bin A'sam*, s. 255—256.

⁶⁰ Kurat, *Kuteybe bin Müslim*, s. 419—420.

⁶¹ Kurat, *Kuteybe bin Müslim*, s. 406—408; Смирнова, *К истории Самаркандского договора*, стр. 69—79. Несколько ранее был опубликован сокращенный персидский перевод договора, содержащийся в труде Бал'ами, *Та'рих-и Табари*; Смирнова, *Из истории арабских завоеваний*, стр. 119—134.

⁶² Гибб, *Арабская литература*, стр. 132; Rosenthal, *History of the Muslim historiography*, pp. 105—113.

⁶³ Кроме цитированных работ Шаванца, Хирта и Пельо см. также: Бичурин, *Собрание сведений*, т. I—III; Кюнер, *Китайские известия*; Julien, *Documents*, vol. III, pp. 325—367, 490—549; vol. IV, pp. 200—242, 391—430, 453—477; Eberhard, *Kultur und Siedlung*; Wieger, *Textes historiques*; Liu Mau-t'ai, Bd I—II. Благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова и К. В. Васильева я имел возможность использовать работы некоторых китайских исследователей истории Центральной Азии.

Чжоу шу — завершена в 629 г.), Северное Ци (550—577 гг.; история — Бэй Ци шу — завершена в 635 г.), Суй (581—618 гг.; история — Суй шу — завершена в 656 г.; перечисленные три сочинения, а также «История Северного Вэй» сведены в труде «История северных династий» — Бэй ши, — окончено в 656 г.), Тан (618—906 гг.; история — Тан шу, или Цзю Тан шу, — была окончена в 945 г.; в 1044—1060 гг. был составлен новый вариант истории Танской династии — Синь Тан шу)⁶⁴.

В этих трудах имеются специальные главы об иноземных странах и народах. История правления каждой династии составлялась, как правило, после ее падения специальной государственной историографической комиссией, которая возглавлялась высокопоставленным чиновником. Основным материалом для династийной истории «служили так называемые *жи ли* (ежедневные хроники), которые, согласно закону, основанному на древней традиции, не подлежали просмотру императора и его министров, хотя трудно, конечно, сказать, насколько точно соблюдался этот закон в действительности. Для этой же цели служили, вероятно, и записи деяний и слов императора, произносимых им на торжественных выходах, приемах и в других случаях придворной жизни»⁶⁵. Для разделов об иноземных народах источниками являлись также «донесения и отчеты послов, существовавшие в литературе сочинения, списки вещей, привозившихся иностранными посольствами в качестве подарков, распросы путешественников и торговцев и т. д.»⁶⁶.

Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу об аутентичности сведений, содержащихся в китайских исторических сочинениях, которые составлены намного позднее описываемых в них событий.

Вместе с тем, хотя и существовала традиционная схема династийной истории, при отборе фактов, подлежащих включению в хронику, и объяснении отдельных реалий отнюдь не исключался субъективный подход составителя или редактора; все перечисленные выше династийные хроники подверглись в 1056—1063 гг. повторному редактированию.

Из исторических сочинений другого рода следует упомянуть анналы «Цзычжи тунцзян», составленные известным историографом сунской эпохи Сыма Гуаном в 1066—1085 гг. и посвященные истории Китая в период с 403 г. до н. э. по 960 г. н. э., а также «Обозрение Танской династии» (Тан хуй яо), над со-

ставлением которого последовательно трудились в 804—961 гг. Су Мянью, Ян Чжао-фу и Ван Пу⁶⁷.

Следует отметить, что материалы о восточных тюрках, извлеченные из китайских источников и переведенные на один из европейских языков, стали доступны лишь после появления двухтомного труда Лю Мао-цзая. Высокая оценка авторитетных ученых — синоведа и тюрколога — делает излишним дальнейшее обсуждение полноты и качества переводов⁶⁸. Лю Мао-цзай использовал 36 китайских исторических, географических и религиозных (буддийских) сочинений, тексты китайских эпитафических памятников, стихи поэтов танской эпохи — все ныне известное, что было написано о восточных тюрках китайскими авторами с VII по XVIII в., и охватывающее период с середины VII по середину X в.

Наряду с извлечением и переводом известий о тюрках Лю Мао-цзай в большой и обстоятельной сводке «Тузюэ и Китай» синтезировал сведения, относящиеся к наиболее его интересующему аспекту историографического изучения использованных материалов, — здесь обобщены данные о политических, экономических и культурных связях между тюрками и Китаем. Вполне самостоятельный интерес представляют 1885 примечаний Лю Мао-цзая к тексту перевода, многие из которых являются по существу небольшими, но важными в научном отношении исследованиями, где автор, критически оценив достигнутые результаты, приходит зачастую к совершенно новым и в большинстве случаев убедительным выводам. Вместе с тем, как будет показано ниже, примечания содержат и немало спорных утверждений⁶⁹.

Таковы вкратце основные исторические источники, использованные автором.

⁶⁷ Об этих сочинениях подробнее см.: Флуг, *История китайской печатной книги*, стр. 232—236; Зуев, «*Тамги лошадей*», стр. 93—97, Rotours, *Traité des exatens*, pp. 74—76, 92.

⁶⁸ Pulleyblank, Рец. на: Liu Mau-tsai, pp. 381—383; Gabain (ZDMG, Bd 109, 1959, Nr 2, S 460—463).

⁶⁹ Kljaštornyj, *Chinesischen Nachrichten*, S. 155—156

⁶⁴ Об этих сочинениях см.: Кюннер, *Работа Н. Я. Бичурины над китайскими источниками*, стр. VI—XXXVI; Кюннер, *Библиография китайской и маньчжурской литературы*, стр. 183—218; Liu Mau-tsai, I, S. 473—484; об обстоятельствах составления «Новой Танской истории» см.: Rotours, *Traité des exatens*, pp. 58—63.

⁶⁵ Флуг, *История китайской печатной книги*, стр. 223.

⁶⁶ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава I. Эпоха рунических памятников</i>	<i>18</i>
<i>Глава II. Древнетюркские рунические памятники</i>	<i>44</i>
<i>Глава III. Согдийцы и тюрки</i>	<i>78</i>
Согдийцы	78
Тюрки	101
Страна Аргу	122
<i>Глава IV. Восточнотюркский каганат и Средняя Азия</i>	<i>136</i>
Западный поход	136
Кангү Тарбан	155
Кенгересы	161
Сиглы памятников	180
Использованная литература	181
Список сокращений	212